

Библиотечка
Филолога

А. И. Смирницкий

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Проф. А. И. СМЕРНИЦ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Подготовил к печати и отредактировал
кандидат филологических наук
В. В. ПАСЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа была задумана и начата еще при жизни ее автора. Безвременная смерть помешала ее выполнению самим профессором А. И. Смирницким, и эта задача пала на его учеников.

При написании книги в основу были положены лекции А. И. Смирницкого по лексикологии современного английского языка, прочитанные им в МГУ и в 1-ом МГПИИЯ в разные годы, и кроме того были широко использованы как уже опубликованные, так и еще неопубликованные теоретические работы А. И. Смирницкого, связанные с соответствующими разделами курса. Неопубликованные материалы были предоставлены коллективу составителей О. С. Ахмановой, принимавшей самое деятельное и активное участие в обсуждении этой работы и оказавшей реальную помощь в составлении книги.

В работе по составлению курса принимали участие: кандидат филологических наук Р. З. Гинзбург, преподаватель И. П. Дьячкова, кандидат филологических наук В. П. Мурат, кандидат филологических наук В. В. Пассек, кандидат филологических наук Л. И. Разинкова и кандидат филологических наук А. А. Санкин.

Составители

Глава I

СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ

§ 1. Предметом лексикологии (если оставить пока в стороне лексикологию общую) является лексика (словарный состав) того или другого конкретного языка, или группы языков. Таким образом, и предметом английской лексикологии является лексика английского языка — во всем ее своеобразии.

Лексика какого-либо языка представляет собой совокупность всех слов, входящих в его состав. Сюда же, кроме того, могут быть отнесены и те сочетания слов, которые в речи играют роль таких же единиц, какими являются отдельные слова (см. гл. VI).

§ 2. Тот факт, что лексика какого-либо конкретного языка представляет собой совокупность многих тысяч отдельных единиц (слов и эквивалентных им словосочетаний), из которых каждая в той или иной степени индивидуальна, неповторима и заслуживает, как будто, некоторого особого внимания, составляет главную трудность не только построения курса лексикологии, но и самого формирования ее как отдельной отрасли научного языковедения. До последнего времени словари в сущности остаются наиболее ценными и серьезными лексикологическими трудами, если не считать очень специальных монографий и статей, посвященных отдельным лексикологическим вопросам и деталям лексики. Но ведь словарь — это, по сути дела, лишь известным образом расположенный и более или менее обработанный материал, но не планомерное описание и обобщающее изложение предмета. Что же касается специальных монографий и статей, то они знакомят лишь с произвольно выделенными частями

совокупного лексического материала, затрагивают лишь отдельные его стороны.

§ 3. Указанную основную трудность предмета лексикологии — распыленность и обширность материала — большей частью пытаются преодолеть распределением материала по проблемам и явлениям. Это в общем характерно и для советской лексикологии. При всех различиях между отдельными трудами и пособиями, построенными по названному принципу, суть дела в подобных случаях неизменно сводится к следующему: различные лексикологические проблемы и разнообразные явления в области лексики известным образом группируются и располагаются — согласно взглядам и умению автора, — и из многотысячного лексического состава языка подбирается большее или меньшее число более или менее удачных иллюстраций к отдельным проблемам и примеров отдельных явлений. Этим и предполагается достигнуть планомерности описания, известного обобщения в изложении и освободиться от необозримой многочисленности индивидуальных лексических единиц.

§ 4. Важнейшим недостатком описанного построения научных и, в особенности, популярно-научных и учебных трудов по лексикологии является следующий: в них сравнительно очень мало внимания уделяется наиболее обычным, часто повторяющимся, повседневному и стилистически нейтральным словам, составляющим основное ядро лексики. Лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о поразительных сдвигах значения отдельных слов, — но о скромных исконных словах данного языка, издавна выражавших в нем такие простые, но вместе с тем существенные понятия, как «видеть», «лежать», «стоять», «ходить», «делать», «красный», «синий», «огонь», «вода», «дерево» и т.п., лексиколог обычно говорит очень немного (если вообще говорит что-нибудь), и то лишь мимоходом. И это понятно: подобные слова большей частью малоприспособны или вовсе непригодны как примеры описываемых явлений. А между тем, разумеется, если такие наиболее широко распространенные и часто употребительные слова оставлять без особого внимания, то нечего и думать о дей-

ствительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей*.

§ 5. Из сказанного следует, что к любой данной лексике нужно обязательно подходить как к чему-то целому, сделать ее всю действительно предметом изучения и изложения. Иными словами: надо увидеть в лексике данного языка не кучу разнообразных примеров, но специфическую для этого языка систему лексических единиц. Ведь, в самом деле, лишь подойдя к лексике как к системе и изучив ее как систему, можно должным образом выделить в ней существенное и характерное и описать ее состав, следуя внутренним связям между его элементами, а не абстрактной классификационной схеме явлений. И тем самым главная трудность, с которой сталкивается лексикология, — обширность и распыленность предмета, — оказывается преодоленной. Отдельные факты при этом располагаются по известным линиям, общая масса материала естественно подразделяется на части, определенным образом связанные между собой и соподчиненные друг другу, — и появляется возможность дать верное описание данной лексики, не загромождая его тысячами и тысячами единичных фактов.

Действительно, поскольку система выяснена, постольку всегда возможно верно описать ее в более или менее сжатом виде, оставляя в стороне большее или меньшее число второ-

* Следует, правда, отметить, что в лексикологии есть область, где лексика данного языка выступает не просто как огромная куча слов, из которых могут быть отобраны нужные примеры, но как некое более или менее связанное целое: это — область этимологии и истории лексического состава. Здесь, действительно, учитывается в известной мере соотношение между элементами словаря, различными по происхождению, определяется его этимологический состав в целом, так или иначе принимаются во внимание и самые простые слова, не представляющие ничего достопримечательного — и, в результате, дается более или менее ясная характеристика данной лексики в соответствующем плане. Но эта область лексикологии занимает совсем особое место и мало типична: отчасти она принадлежит также и истории языка; вместе с тем она вообще не является одним из основных разделов лексикологии, поскольку в ней (в этой области) лексический состав не подвергается внутреннему анализу, но лишь рассматривается с точки зрения его происхождения. Скорее эта область представляет собой некий вводный раздел — историческое введение в лексикологию. Ввиду этого, положение дела в названной области принципиально не меняет общего характера и состояния современной лексикологии, и все сказанное о ней выше остается в силе.

степенных ее деталей в зависимости от цели описания и не искажая этим ее существенных и характерных черт.

§ 6. Следующие моменты представляются особо важными при описании лексики данного языка как системы:

1. Необходимо показать, какие типы лексических единиц характерны для данного языка. Для этого, очевидно, в первую очередь нужно осветить вопрос о том, какими признаками определяется в этом языке элемент слова (корневой и аффиксальный), цельное отдельное слово и словосочетание по отношению друг к другу. Особо нужно отметить, в какой степени слово в данном языке вообще выделяется как особая единица и какие здесь могут быть градации и типичные случаи. Далее следует дать характеристику основных фонетических и структурных, а отчасти также и семантических типов слов.

2. Следует осветить лексику данного языка с точки зрения исторически известного происхождения ее состава. Как уже было сказано выше (см. § 4, сноску), в отношении этой темы дело обстоит наиболее благополучно на современном этапе развития лексикологии. Здесь достаточно ограничиться лишь такими замечаниями:

Во-первых, необходимо строго отличать непосредственный источник лексического элемента от того его источника, к которому он может быть исторически возведен в конечном счете. Так, например, нужно строго отличать *лат.* paradisus, как непосредственный источник *англ.* paradise рай, *фр.* paradis и *нем.* Paradies, от древнеперсидского слова paridaēza, к которому эти слова восходят в конечном счете, так как с точки зрения формирования английской, французской и немецкой лексики мы имеем в данном случае заимствование из церковной латыни, а отнюдь не из древнеперсидского.

Во-вторых, заимствование следует в принципе строго отличать от развития и изменения слова в системе данного языка. Так, приведенное выше французское paradis следует отличать в качестве заимствования из латинского языка (*лат.* paradisus) от случаев развития латинских слов во французском языке в процессе образования последнего на основе галльской латыни (ср. *фр.* оп и rège, развившиеся из *лат.* homo, patrem и т.п.). Необходимо, однако, заметить,

что два этих явления, в принципе различные, могут иногда и взаимодействовать друг с другом.

В-третьих, необходимо отличать заимствование слова от образования нового слова на основе заимствованного. Например, английское прилагательное *correct* *правильный* является заимствованием из латинского языка (*лат. correctus*), но английский глагол (*to*) *correct* *исправлять* должен приводиться не как заимствованный из латинского (*лат. corrigere*, прич. 2-ое *correctus*), но как образованный в английском языке от заимствованного прилагательного *correct*.

В-четвертых, нужно учитывать возможность слияния заимствованного слова с существовавшим ранее — исконным или заимствованным — безразлично. Так, например, английское слово *rich* *богатый*, повидимому, представляет собой продукт слияния заимствованного из старофранцузского *rich* со среднеанглийским *riche* (из древнеанглийского *rice*), почему современное английское *rich* нельзя полностью отнести ни к числу заимствованных слов, ни к числу исконных английских слов.

3. Необходимо, далее, учитывать, что язык определенной эпохи — это язык существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе момент диахронии: сделать «поперечный разрез языка», не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно; фактор времени по самому существу входит в язык хотя бы уже потому, что любая единица языка есть то, что она есть, лишь при условии ее последовательного, закономерного развертывания во времени: морфема, слово, фразеологическая единица имеют начало и конец, определенное следование элементов во времени.

Поэтому также и синхроническое изучение единиц языка (в частности лексических единиц) должно неизбежно проводиться во времени. При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие — как отмирающие или окаменевающие, третьи — как относительно стабильные; но все же все они должны быть так или иначе отнесены к развитию языка во времени, т.е. к его диахроническому аспекту*.

* Подробнее о соотношении синхронии и диахронии см. статью А. И. Смирницкого «По поводу конверсии в английском языке», *Иностранные языки в школе*, 1954, № 3.

4. Нужно дать представление о различных семантических группировках слов. Задача отбора наиболее существенного, типичного и характерного в этом случае, может быть, является наиболее трудной, но в общем все же вполне разрешимой. Для того, чтобы достаточно удовлетворительно решить ее, необходимо прежде всего учесть, что наиболее существенное и типичное для лексики данного языка может быть, очевидно, скорее всего найдено в той ее части, которая является наиболее употребительной (см. по этому поводу § 192).

5. Необходимо показать, как группируются слова на основе словопроизводства, словосложения и соединения во фразеологические единицы. Здесь важно обратить внимание на различия, зависящие от того, вокруг какой части речи группируются производные слова, сложные слова и фразеологические единицы. Иначе говоря, необходимо выделить словообразовательные группы и группы фразеологических единиц с существительным, прилагательным, глаголом и т.п. в качестве центрального (основного) слова. При этом нужно отметить различные степени связи между словами одной словообразовательной группы и наличие в известных случаях двух (или даже более) основных слов, стоящих в центре такой группы: ср., например, современный английский глагол (to) *love* *любить* и существительное *love* *любовь*, из которых оба являются структурно простыми словами и поэтому оба могут считаться центральными для словообразовательного гнезда *love* *любить*, *love* *любовь*, *lover* *возлюбленный*, *lovely* *красивый*, *loveless* *не любящий* и т.п. (см. также § 84).

Нужно показать также, какие типы семантических отношений (противопоставлений, различий, оттенков) выражаются преимущественно посредством словообразования, и как вообще сочетается словообразование с употреблением разнокорневых слов (слов с разными, не связанными между собой корнями) в пределах тесных семантических групп (семантических гнезд): ср. в русском: 'печатать', 'печатный', 'печатать', 'печатник' — 'типограф', 'типография', 'типографский', 'типографический' и т.п.

6. Нужно ознакомить с лексическими особенностями языка, характерными для различных сфер его употребления, и с лексическими особенностями различных стилей. Эта тема в

значительной мере может основываться на том, который требуется для развития и иллюстрации ранее указанных тем, но организация этого материала в данном случае должна быть иной. Наиболее целесообразным представляется дать характеристику лексики в различных сферах речи по возможности в соответствии с темами 2—5, т.е. со стороны происхождения самого ее состава, с точки зрения семантических ее особенностей, с точки зрения словообразования в различных сферах лексики и т.п.

§ 7. Предложенное построение курса лексикологии в центре описания лексической системы конкретного языка ставит слово. Все остальное — морфемы, фразеологические единицы и т.п. — дается лишь в связи со словом.

Имея в виду неразработанность и спорность основных вопросов учения о слове, представляется целесообразным снабдить лексикологию конкретного языка общетеоретическим введением, в котором были бы изложены взгляды автора на основные проблемы слова.

§ 8. На основании всего изложенного выше представляется целесообразным включить в данное пособие по английской лексикологии в приведенной ниже последовательности следующие разделы:

1. Основные проблемы слова.
2. Структурная и фонетическая характеристика современной английской лексики.
3. Семантическая характеристика английской лексики.
4. Характеристика современной английской лексики с точки зрения сфер ее употребления.
5. Характеристика фразеологических единиц в современном английском языке, представляющих собой эквиваленты слов.
6. Характеристика современной английской лексики с точки зрения ее происхождения.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВА

1. Язык как система определенных единиц

§ 9. Марксистское языкознание рассматривает язык как совокупность словарного состава и грамматического строя, совокупность, в которой словарный состав является строительным материалом, а грамматический строй — организующим моментом, и именно при соединении того и другого человеческие мысли облекаются в материальную оболочку и тем самым делается возможным обмен мыслями в человеческом обществе, а поэтому язык и является важнейшим средством человеческого общения и вместе с тем — орудием борьбы и развития общества.

Таким образом, в языке выделяется два основных компонента: словарный состав и грамматический строй. Эти компоненты качественно различны, и совокупность их нельзя понимать как простую их сумму, а также и самое слово «компонент» следует понимать здесь несколько условно.

§ 10. Вместе с тем очень важно обратить внимание и на то общее, что имеется и в словарном составе, и в грамматическом строе языка — при всех существенных различиях между ними.

Это общее состоит в том, что и тот и другой представляют собой совокупность определенных единиц языка, известную особую систему внутри общей системы языка. Но, разумеется, единицы одной из этих особых систем и отличаются существенно от единиц другой.

Для большей ясности дальнейшего изложения необходимо специально остановиться на том, что понимается здесь под единицей языка.

2. Критерии выделения единиц языка

§ 11. Единицей языка того или другого порядка, типа или характера может быть признана любая единица, выделяемая в речи, при том условии, что, с одной стороны, в ней сохраняются существенные общие признаки языка и вместе с тем, с другой стороны, не появляются какие-либо новые признаки, вносящие новое качество. Чтобы удовлетворять этим требованиям, такая единица должна, во-первых, обладать не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением (смысловым или эмоциональным содержанием) и, во-вторых, выступать не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. При этом необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая единица должна обладать сразу двумя признаками, указанными выше.

Таким образом, типичными единицами языка будут такие слова, как *house дом*, *red красный*, *well хорошо*, *see видеть*, *where где*; также и отдельные морфемы: *house-*, *red-*, *-ish-* (в *reddish*), *over-* (в *oversee*), *-ing* (в *seeing*, *taking*, *speaking* и т. п.). Все эти и им подобные единицы, которые могут быть обнаружены в речи, явно обладают обоими указанными выше признаками: они, во-первых, имеют и звучание ([*haus*], [*red*], [*wel*] и т. п.) и значение (*дом*, *красный*, *хорошо* и т. п.), а, во-вторых, не создаются, а лишь воспроизводятся в речи как готовые единицы.

§ 12. Наоборот, отдельные звуки речи, даже и выступающие в качестве фонем, не могут быть признаны единицами языка в том же смысле этого термина, так как отдельный звук сам по себе не обладает значением: нельзя, например, сказать, каким значением обладает звук [*h*] в слове *house*. Когда говорят, что слова или морфемы делятся на звуки (фонемы), делают неправомерный скачок, так как переходят от единиц, представляющих единство внешней, звуковой и внутренней, смысловой стороны, к единицам, не представляющим такого единства, являющимся частями только внешней, звуковой стороны. Слово или морфема не делится на звуки (фонемы): разложима на звуки (фонемы) только внешняя, материальная оболочка того или другой (если, разумеется, эта оболочка образована не одним звуком).

Из сказанного следует, что звуки не представляют собой языковых единиц: они не являются ни единицами словарного состава языка, ни единицами грамматического строя языка. Звуки — единицы совершенно иного порядка: единицы в строении языка или, вернее, единицы в строении языковых единиц, но не языковые единицы как таковые.

§ 13. По другому признаку в качестве единиц языка не могут быть выделены свободные сочетания слов, в том числе и предложения, возникающие в процессе речи.

Если принять, что конкретные словосочетания, возникающие в процессе речи, являются единицами языка, то необходимо будет признать, что все такие словосочетания входят в состав языка, так как каждая единица какой-либо системы входит в состав этой системы. В состав языка, таким образом, оказалось бы включенным вообще все то, что высказано и высказывается, т.е. все мысли, в конкретном языковом оформлении выраженные и в каждый данный момент выражаемые в речи, так как любое предложение есть предложение лишь постольку, поскольку оно выступает как единство его внешней и внутренней стороны, подобно тому, как слово есть слово лишь постольку, поскольку его звучание и его значение не разъединены. Но такое понимание языка противоречит пониманию его в качестве средства, или орудия, человеческого общения: средство никак нельзя смешивать с тем, что им создается, что производится путем его применения.

Кроме того более или менее определенная классовая направленность огромного числа конкретных словосочетаний и предложений является несомненным фактом. Трактовка конкретных словосочетаний и предложений как единиц языка ведет, поэтому, к утверждению, что язык, если не в целом, то все же в очень значительной своей части является классовым. Можно предположить, что трактовка предложения во всей конкретной его цельности как единицы языка (притом нередко провозглашавшейся даже основной единицей языка) оказалась одним из обстоятельств, способствовавших возникновению марровской «теории классовости» языка.

В действительности предложения являются основными объектами лингвистического исследования — в том смысле, что в них различные единицы языка находятся и могут изучаться в их реальных отношениях и в их взаимодей-

ствии, в их «жизни», причем именно предложения оказываются теми минимальными отрезками речи, в которых встречаются и соединяются друг с другом языковые единицы всех основных типов, так что достаточно большая масса предложений обеспечивает достаточное знакомство с языком.

Совокупность словарного состава и грамматического строя представляющую собой систему языка, можно до некоторой степени уподобить совокупности набора цифр 0, 1, 2, 3, ... 9 и правил пользования ими, которая образует систему цифрового обозначения чисел: подобно тому, как один набор цифр сам по себе еще не составляет этой системы, равно как и одни правила пользования цифрами еще не составляют ее, так и словарный состав, и грамматический строй, каждый в отдельности, не составляют еще языка. Соединения же тех или иных конкретных единиц цифрового набора с определенными правилами применения этих единиц в таких «цифросочетаниях», как 197, 1543, 0,5 и пр., можно отчасти сравнить с теми соединениями лексических и грамматических единиц языка, какие мы выделяем в речи как те или иные конкретные предложения или соответствующие словосочетания. «Цифросочетания» не являются единицами цифровой системы — хотя бы уже по одному тому, что их число беспрельдно, и если бы они были единицами этой системы, то она никогда не могла бы быть усвоена так, чтобы ранее неизвестное «цифросочетание» было понятно. Возможность понимания любого ранее неизвестного «цифросочетания» свидетельствует с очевидностью о том, что цифровая система полностью усвоена, т.е., что известны все составляющие ее единицы. Но так как еще не встретившееся «цифросочетание», конечно, не могло быть усвоено до того, как оно встретилось, то, следовательно, оно не есть единица цифровой системы.

Соответственно то же может быть сказано и о взаимоотношении между системой языка и конкретным предложением, никогда ранее не слышанным, но вполне понимаемым данным человеком. Полное понимание этого предложения (не догадка по контексту, ситуации и пр.) свидетельствует о предварительном знании всех единиц языка, представленных данным предложением. Но само по себе это предложение не было ранее известно как целое, как единица: следовательно, оно не есть единица языка.

3. Лексические единицы языка

§ 14. Из сказанного следует, что к лексическим единицам языка будут относиться в первую очередь цельные слова — такие, как *house дом*, *red красный*, *well хорошо*, *see видеть*, *where где* и др., — и морфемы, входящие в состав цельных слов — такие, как *house-*, *red-*, *-ish-*, *over-*, а также и такие словоизменительные морфемы, как *-ing* (в *seeing, taking, speaking* и т. п.).

§ 15. Кроме того следует обратить внимание на то, что известные сложные образования, встречающиеся в речи и по своему строению подобные создаваемым в ней словосочетаниям, отличаются, однако, от этих последних как раз тем, что они являются не создаваемыми в речи, а воспроизводимыми в ней подобно тому, как в ней воспроизводятся принадлежащие данному языку слова.

Сюда относятся определенные фразеологические единицы (акад. В. В. Виноградов*), так называемые слитные речения (акад. Ф. Ф. Фортунатов), составные термины; например: *so so так себе*, *by all means конечно*, *(to) be at home (in) чувствовать себя уверенным*, *(to) take part принимать участие*, *a note of interrogation вопросительный знак*, *reciprocating engine поршневая машина* и пр. Также и целые предложения могут примыкать сюда (см. §§ 254—262), в частности, например, пословицы и поговорки: *All that glitters is not gold — Не все то золото, что блестит*. *As ugly as sin — Безобразный, как (смертный) грех*. *Better late than never — Лучше поздно, чем никогда*. *Easier said than done — Легче сказать, чем сделать*. *Extremes meet — Крайности сходятся*. *He laughs best who laughs last — Истинно смеется тот, кто смеется последним* и др. При этом нужно заметить, что пословицы, поговорки, афоризмы и вообще различные изречения, воспроизводимые вновь и вновь как целые единицы, выступают в качестве единиц языка именно постольку, поскольку они воспроизводятся как средство для (более яркого, образного, острого) выражения мысли в процессе общения. Рассматри-

* В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, «А. А. Шахматов, сборник статей и материалов». Изд-во АН СССР, М.-Л., 1947.